

Сергей Штырков

«Борьба асов с дэвами пронизывает все наше бытие»: конспирологическое воображение североосетинских интеллектуалов в поисках смысла национальной истории¹

В республике Северная Осетия-Алания, как и в целом в России, публичная полемика зачастую принимает форму конспирологических обвинений в адрес оппонентов. Основные «идеальные типы» предлагаемых в этом контексте нарративов можно определить как «заговор историков», «заговор жрецов» и «заговор спецслужб». Популярности таких нарративов способствует то, что в республике для объяснения реалий социальной жизни часто используется довод, построенный как ответ на вопрос «Кому это может быть нужно?», исключающий апелляцию к случайности. Кроме того, популярности банализированного варианта теории заговора способствует широко распространенный взгляд на мир как на пространство игры спецслужб, в которой активны не только враги, но и «наша сторона».

Ключевые слова: теория заговора, Республика Северная Осетия-Алания, православие, конспирология, религиозный традиционализм.

Если вы считаете, что вами никто не манипулирует, значит, вы в руках профессионалов.

Анекдот, популярный в сети Интернет

В конце 2012 г. в Республике Северная Осетия-Алания в рамках проводимой церковным руководством политики по разукрупнению епархий была создана новая епархия Русской православной церкви Московского патриархата. Она получила название Владикавказской и Аланской. Руководство вновь созданной структуры сразу же с большой энергией взялось за создание образа осетинского народа как естественного носителя древней православной культуры, которая досталась ему в наследство от его предков — алан, принявших христианство в X в. При этом доминирующая линия в репрезентации работы православных епархиальных структур предполагает, что основная деятельность церкви в республике протекает в области сохранения этнического культурного (языкового, архитектурного, литературного, фольклорного и т.д.) наследия.

Сергей Анатольевич Штырков

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге
shtyr@eu.spb.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-02952 «Конспирологические нарративы в русской культуре XIX — начала XXI в.: генезис, эволюция, идейный и социальный контексты».

Кратко характеризуя этот аспект репрезентационной политики Владикавказской епархии, ее секретарь отец Савва Гаглоев заметил: «[Р]уководством епархии по существу провозглашена новая церковная миссионерская стратегия, в основе которой лежит принцип инкультурации, т.е. укоренение православия в местной культуре, преодоление разрыва между христианской религией и культурой местного населения» [Гаглоев 2013: 92]¹.

Надо отметить, что подобные инициативы, поддержанные руководством республики, встретили теплый прием не у всех жителей Северной Осетии. В роли наиболее последовательных критиков православной редакции осетинской культуры и духовного наследия выступают сторонники создания (или восстановления) особой этнической религии осетин. Иногда их называют по аналогии с восточнославянскими религиозными традиционалистами «родноверами», но в самой республике они известны как «уасдиновцы» (от осет. *уас дин* 'святая вера'; также можно встретить употребляемый в том же значении термин *ирон дин* 'осетинская вера'). Они, используя альтернативный вариант религиозного национализма, построенный на сочетании идеологии New Age и европейской «новой правой» идеологии сохранения национальных культур, подвергают резкой критике попытки православных активистов «прибрать к рукам» осетинскую культуру и предлагают видеть в христианстве вообще и в православии в частности глобализаторский проект, предполагающий нивелирование любой этнической специфики у «покоренных» народов (понятно, что в данном контексте глобализм понимается как источник тотального зла). Этот вариант религиозного традиционализма предполагает в качестве идеала очищение всего осетинского от «внешнего» налета православия и возвращение осетин в дохристианское прошлое, к индоарийским духовным истокам, предопределившим величие всей современной цивилизации и противопоставленным ближневосточным религиозным учениям, самым опасным из которых в глазах осетинских «родноверов» является христианство².

Для объяснения распространения христианства среди осетин, да и вообще среди народов мира, часто используются конспирологические нарративные аргументы, т.е. теория тайного заговора. И чтобы придать нашим дальнейшим рассуждениям терминологическую ясность, я, следуя американскому политологу Дэниэлу Хеллингеру, определю заговор как коллективное поведение, которое характеризуется тремя выделяемыми по-

¹ Подробнее о политике инкультурации, проводимой Владикавказской епархией, см.: [Shtyrkov 2015].

² Подробнее об идеологии осетинского национального религиозного активизма см.: [Shtyrkov 2012].

средством анализа, но при этом взаимосвязанными особенностями: (1) секретность; (2) неосуществимость в случае раскрытия; (3) одна или несколько характеристик из следующего набора: незаконность деятельности акторов, несоответствие реальных и публично объявленных целей деятельности заговорщиков, нарушение ими общепринятых этических правил поведения [Hellinger 2003: 209].

Итак, согласно упомянутой идее о конспиративной природе христианского миссионерства, христианская церковь осуществляет в Осетии, как и во всем мире (но Осетия является предметом ее особого внимания), свой тайный план. Точнее было бы говорить, что некие тайные силы используют церковь для достижения своих целей, но поскольку предполагается, что церковь с ее учением, практиками и институтами специально создана для этой деятельности, можно говорить прямо о ней. Церковь не объявляет о своих реальных целях: она говорит о спасении души, исправлении нравов, достижении мира во всем мире и сохранении культуры, но на самом деле стремится к максимальной политической и, возможно, экономической власти. Она скрывает свою истинную природу, т.к., будучи орудием евреев, заявляет об автономности от иудаизма и еврейства. Наконец, она действует сознательно и последовательно (т.е. руководство заговора действует так, в то время как многие обманутые простецы, сами того не зная, помогают претворять в жизнь планы злонамеренной верхушки). Но планы церкви не смогут осуществиться, а действия окажутся безрезультатными, если люди прислушаются к словам тех, кто понял истинную суть происходящего.

Наиболее последовательно эта позиция представлена в текстах, созданных одним из самых активных лидеров религиозных традиционалистов Северной Осетии Даурбеком Макеевым. Линия эта в общих чертах такова: в Библии сформулирована задача, которая стоит перед израильским народом, — овладеть землями и имуществом других народов, и метод достижения этой цели — развращение упомянутых народов через «дискредитацию и извращение» традиционных этнических обычаев и верований. Для Макеева христианство — основное орудие для реализации этого проекта, который уже запущен на полную мощь: «[И] к нам они уже пришли для того, чтобы развратить нас» [Макеев 2007: 188]¹. В более позднем тексте

---

¹ Справедливости ради надо указать, что Даурбек Макеев не делает объектом своей критики христианство вообще, а различает, вслед за Львом Толстым, христианство, по его мнению, неправильное — павлианское, т.е. учение апостола Павла, созданное на основе евангельского учения, и христианство правильное — «духовное», связанное с арийской традицией (см. например: [Макеев 2007: 71]). Впрочем, т.к. практически все ныне существующие христиане признают истинность

Макеев прилагает к подобной редакции понимания мировой истории термин «библейский проект» [Макеев 2013], взятый (прямо или опосредовано) из сочинений влиятельного среди русских националистов автора, скрывающегося за псевдонимом Внутренний предиктор СССР (см., например: [«Сад» растет сам 2009: 53]). Очевидно, что конспирологическая версия истории христианства, прилагаемая Макеевым к осетинским реалиям, не является местным изобретением. Подобное понимание христианства широко представлено среди сторонников «ариософского» направления теории заговора [Иванов 1994; Безверхий 1998; Истархов 2000], видящих в христианской религии специфический продукт иудейской социальной инженерии, который «экспортирован в арийский мир для его порабощения проповедью покорности, пацифизма и профаническим упрощением древних знаний» [Багдасарян 2000: 23]¹.

На данный момент это, пожалуй, самая распространенная в осетинском информационном пространстве версия концепции, которую можно назвать «заговором жрецов». Убедительности ей придает следующее обстоятельство. В социальном воображении современного человека религия является весьма привлекательным полем применения конспирологических теорий. Она (вообще, если понимать ее как единый феномен) или они (т.е. другие религии — для представителя религиозной группы, убежденного в ее исключительной истинности и благодатности) представляются естественной средой обитания для злонамеренных обманщиков, тайно манипулирующих сознанием людей. Проще всего было бы объяснить это распространенностью марксистского понимания природы религии — и, несомненно, для постсоветского общества это будет справедливо. Растиражированный советской антиклерикальной пропагандой образ служителя культа, который помогает капиталисту и чиновнику управлять массами, восходит к банализированному марксистскому пониманию социальной функции религии. На советские корни этих идей и настроений указывает последовательное использование критиками «традиционных религий» таких метафор, как «опиум для народа» или «духовная сивуха», но самое главное — термина «идеология», имеющего в этом контексте специфически марксистское значение «ложного сознания». Напомню, что «идеология» в марксистской традиции используется как критический концепт и обозначает не просто систему взглядов на мир и общество,

и боговдохновенность речений св. Павла, они, согласно такому подходу, оказываются чуждыми истинному учению Христа.

¹ О христианстве как продукте, производимом силами, стремящимися с его помощью достигнуть мирового господства, см.: [Shnirelman 2002: 203; Шнирельман 2012: 22–24].

но и систему взглядов, которая последовательно искажает в глазах людей реальное положение вещей, что делает возможным установление и поддержание в социуме отношений господства, подчинения и эксплуатации. В этом смысле термин «идеология» применяется в антиклерикальных построениях для обозначения вероучительных систем мировых религий, и прежде всего христианства. Но, как известно, схожее понимание религиозных феноменов возникло задолго до рождения Маркса. Подобные идеи можно встретить у европейских антиклерикальных полемистов (вспомним хотя бы знаменитый «Трактат о трех обманщиках») и еще раньше — у критиков римско-католической церкви в эпоху Реформации, которые во многом сформировали конспирологические нарративные стандарты, транслируемые в исторически протестантских и стремительно секуляризирующихся обществах по сей день (сотрудничество римской курии и евреев, вездесущность и всевластие иезуитов или (реже) других католических орденов, тщательно скрываемая правда об истинной истории христианства и пр.)¹.

Кстати, к тем же временам восходит и популярная среди современных осетинских религиозных традиционалистов идея, что «жрецы» (христиане, раввины) исказили истинное учение Христа (в данном случае — арийское христианство), скрыли божественные знания, подменив их фальшивой идеологией, держащей наивных людей в вечном послушании [Макеев 2002: 72–73; Школа 2011]².

Вообще говоря, чтобы понять условия, в которых циркулирует информация о христианстве как заговоре и церкви как заговорщике, нужно уяснить себе, как устроено общество, о котором идет речь.

Моя постановка вопроса здесь следует во многом попыткам увидеть в конспирологическом стиле мышления не когнитивную или психологическую патологию, а вариант нормы, основанный на повседневном опыте коммуникации и концептуализации. Американский философ Ли Бэшэм, стремясь деэкзотизировать теорию заговора, писал о том, что верить в существование заговора для людей вполне естественно, ведь «в своей жизни большинство из нас сталкивалось с тем, что существует вероломное предательство, тайные измены сексу-

---

¹ Об антикатолической конспирологии см., например: [Cubitt 1993; Burke 2001; Nelson 2002; Marotti 2005: 42–53].

² Концепция арийского христианства перекликается с идеей, что Иисус Христос и одиннадцать его апостолов были этническими скифами (аланами) [Хамицев, Балаев 1992: 4]. Эта гипотеза знакома многим в Северной Осетии и порой становится предметом как шуток, так и вполне серьезных дискуссий, чему несколько раз я был свидетелем.

альным партнерам, мастерски используемое злоупотребление доверием в сфере бизнеса, клевета, ломающая судьбы людей, которая может никогда не стать известна тем, кто пал ее жертвой» [Basham 2001: 271]. Далее Бэшэм рассуждает о темной стороне человеческих взаимоотношений. Но мне хотелось бы оттолкнуться от повседневных коммуникативных практик, в которых кристаллизуется конспирологический нарратив, чтобы понять логику социального воображения, в котором теории заговора занимают более серьезное место, чем в моем собственном. То есть в отличие от Бэшэма я допускаю, что не только травматический жизненный опыт, порождающий в (любом) человеке здоровое недоверие к видимой стороне жизни, но и привычки осмысления и репрезентации этого опыта определяют степень готовности общества к порождению конспирологического повествования.

* * *

В современном дискурсивном поле республики Северная Осетия-Алания конспирологические рассуждения в духе этнонационалистической и геополитической эсхатологии стали настолько общим местом, что их авторы зачастую не затрудняют себя экспликацией своих аргументов. Фразы о новом мировом порядке, чьих-то тайных хозяевах, циничных адептах глобалистской идеологии превращаются в своего рода стертые метафоры, указывающие не на онтологический статус явления, к которому они прилагаются, а лишь на то, что автор подобных суждений не испытывает к описываемому явлению симпатий. Иногда создается впечатление, что подобным образом построенные фразы стали элементом литературного этикета. Причин или, вернее сказать, обстоятельств, способствующих тому, что конспирологический дискурс в Северной Осетии (как, впрочем, и вообще на Северном Кавказе) широко распространен и даже банализирован¹, довольно много, но я укажу только два из них.

¹ Приведу достаточно типичный пример. 21 октября 2014 г. информационные агентства привели слова президента Чеченской республики Рамзана Кадырова о так называемом Исламском государстве, против которого вооруженные силы США вели в то время боевые действия: «Я попросил бы, чтобы их не называли исламским государством. Это шайтаны, цель которых — заработать больше денег. Они выполняют поручения Запада и целенаправленно убивают мусульман». И далее: «Им помогали и помогают западные спецслужбы. Они снабжают их всем необходимым. Откуда у этих бандитов самолеты, средства на полное вооружение десятков тысяч людей? Откуда это все у них берется? Однозначно, им помогают люди, которые занимают высокие посты»; «Возглавляют эту террористическую группировку работники спецслужб. Глава группировки Абу Бакр аль-Багдади был завербован ЦРУ». В этой связи Кадыров предложил следующее решение проблемы: «Багдади должен сегодня снять свою маску и открыто сказать, что он является работником ЦРУ, что он был завербован. Он, если действительно считает себя истинным мусульманином, должен открыто признать, что убивает своих братьев по вере, извиниться перед единоверцами и расформировать свою банду» [Кадыров 2014].

1. В отличие от среднего европейского общества осетинское представляет собой социальное пространство, связанное (и разделенное одновременно) семейными связями. Это определяет распространенную привычку объяснять события и явления общественной жизни происхождением и клановой принадлежностью участников, а также искать и находить дополнительную (с нашей точки зрения) информацию, для того чтобы объяснить, «что на самом деле происходит», т.е. истинную подоплеку событий. Проблема заключается в том, что на уровне республики эти источники дополнительной информации оказываются доступнее, а социальное пространство — плотнее в силу тесноты границ социума и своеобразной демократичности посттрадиционного общества. Проще говоря, любой человек имеет знакомых или родственников, которые в свою очередь имеют знакомых в руководстве республики, силовых структурах и пр.

Приведу простой пример: как-то в одной из северокавказских республик во время беседы с несколькими моими знакомыми (мужчинами, преподавателями вузов) я обнаружил, что все мои собеседники знают, сколько нужно заплатить, чтобы стать прокурором, начальником полиции и депутатом Государственной думы. Я же, как и большинство моих знакомых, живущих и работающих в Санкт-Петербурге, такой информацией не располагаю и даже не считаю, что могу ею располагать. Можно предположить, что мое неведение объясняется тем, что я живу в большом городе, тогда как сообщества меньшего масштаба будут характеризоваться уровнем осведомленности, принципиально более высоким, нежели мой. Скажем, жители Новгородской области, вполне сопоставимой по численности населения с Северной Осетией, тоже будут иметь множество источников информации о механизмах и основаниях решений, принимаемых в среде политической и административной элиты региона. Однако это не совсем так. Большинство современных урбанистических сообществ более атомизировано, и члены этих сообществ убеждены в существовании непреодолимой информационной границы между уровнем повседневной обывательской жизни и уровнем, на котором принимаются общественно значимые решения. Грубо говоря, я в той же мере понимаю или не понимаю мотивы решений президента РФ, как и соображения или обстоятельства, которые определяют решения начальника моего ЖЭК. По этой причине петербургский или новгородский обыватель гораздо «ленивее и нелюбопытнее» в этой сфере, чем, скажем, владикавказский.

Опосредованное следствие иного положения дел в Северной Осетии заключается в укоренении привычки задаваться вопро-

сом «Кому это нужно?» («Кто от этого выиграет?»). Она настолько сильна, что строить свое (или принять чужое) умозрительное объяснение «настоящей» сути политических событий привычнее и интеллектуально комфортнее, чем отмахиваться от этой перспективы через констатации типа «это никому не нужно», «у них какая-то своя игра, про которую мы ничего не знаем и не узнаем никогда». Когда кто-то демонстрирует подобное отношение к важным политическим событиям, то встречает два типа реакции со стороны собеседников, привыкших быть более активными в сборе и интерпретации общественно значимой информации. (1) Почему ты не пользуешься доступными источниками информации, для того чтобы понять суть событий? (2) Если происходящее, как ты утверждаешь, не является следствием чьего-то тайного плана, тогда ситуация гораздо хуже, чем могла бы быть, т.к. она никем не контролируется. В последнем случае в конспирологическом сознании возникает ощущение интеллектуальной фрустрации, которая разрешается через тот же конспирологический аргумент: от нас скрывают реальную «подоплеку событий», чтобы никто не мог вмешаться в их ход, который только выглядит неконтролируемым.

2. В описываемом обществе важную роль играет инерция советского опыта в сфере воображения правил, которые структурируют социальное пространство. Радость за то, что все «в надежных руках» «компетентных органов» встречается довольно часто, если не повсеместно. Уверенность в том, что все под контролем структур «товарища майора» из старого советского анекдота — персонажа невидимого, но вездесущего и всемогущего, опирается на опыт проживания в пространстве, организованном таким образом, что жизненно важная информация не может быть эксплицирована публично. Механизмы сбора информации и принятия решений *естественно* недоступны никому, кроме элиты (мы, обыватели, видим только результаты этой деятельности), и в силу этого элиту этой элиты составляют профессионалы камуфляжа — спецслужбы. Среди прочего это предполагает, что реальные причины событий будут сознательно закамуфлированы, а общественность мистифицирована. Эти ментальные привычки, разумеется, не являются специфичными для социального воображения современного североосетинского общества, но я позволил бы указать на некоторые нюансы, придающие своеобразный колорит размышлениям и нарративам о действиях тайных сил.

Первое. Существование этих сил и их деятельность понимается как нечто естественное, а не патологичное. Настоящая жизнь — это игры спецслужб, соперничающих кланов и корпораций.

Второе. Консервативно мыслящее, патерналистски настроенное и лояльное к советскому прошлому общество видит свои плюсы в данном положении дел. Понятно, что «они» хитры, коварны и вездесущи, но «наши» тоже действуют, и эти «наши» сильны и профессиональны. Поэтому, кстати, конспирологический нарратив о враждебных силах, предложенный тем или иным человеком или группой, обращен не столько к общественному мнению, сколько в загадочный локус «там» — в смысле «там разберутся». Другими словами, конспирологический нарратив в данных условиях является, если вспоминать советскую терминологию, «сигналом». Кстати говоря, в конспирологическом дискурсе, построенном на подобном концептуальном основании, проявляется следующая особенность, которая входит в некоторое противоречие с «классической» концепцией заговора. Как уже говорилось выше, заговор является планом действий, которые при его разоблачении не смогут осуществиться. Следовательно, конспиролог должен стремиться к максимально эксплицитному публичному описанию этого зловещего плана, его целей и участников. Однако в рассматриваемом варианте конспирологических построений мы зачастую сталкиваемся с застенчивым нежеланием нарраторов точно указывать на злоумышленников («Ну вы сами понимаете, кому это нужно»), слушателям предлагается продемонстрировать свою проницательность и тем самым подтвердить причастность к общему с рассказчиками информационному и идеологическому полю. Мне не раз приходилось попадать в ситуацию, когда мои собеседники, заявившие о существовании у того или иного действия или явления скрытого смысла или чьих-то не афишируемых интересов, удивленно реагировали на мои попытки выяснить, что и кого они имеют в виду.

Наконец, третья ментальная привычка заключается в том, чтобы считать, что любое публичное высказывание и даже информационная политика в целом всегда идеологически целесообразны. Нам всем знакома эта логика применительно к вещательной политике СМИ и академическим студиям, за которыми обывательский взгляд различает тщательно скрываемые истинные цели, не сводимые к очевидным информационным или научным. Но в нашем случае важно следующее. В постсоветских национальных республиках, как во вполне лояльных современному режиму кругах, так и среди оппозиционных активистов разной степени радикальности, сложилось представление о своеобразной историографической травме советского периода. В этом можно увидеть инерцию иллюзий перестройки или же наоборот — чуть ли не последствия распространения идеологемы заговора норманистов (или, шире говоря, «заговора историков»). Но так или иначе мысль о том,

что какую-то этническую единицу сознательно лишили славного исторического прошлого и культуры в угоду интернационалистической политике, проводившейся в СССР, является общим местом.

У этого допущения есть два аспекта, которые важны для нашей дискуссии. Во-первых, скрываемое событийное или культурное прошлое мыслится исключительно как славное, как источник символического капитала, который непременно повысит статус и легитимность политических требований группы, которой это прошлое принадлежит (и которая сама принадлежит этому прошлому: «Мы-то что? Это прошлое диктует требования, тени забытых предков нас обязывают требовать справедливости»). Мы имеем все основания скептически и иронично относиться к подобным построениям. Как мы знаем, в СССР скорее создавались, нежели разрушались национальные истории и культуры (эпос, например). Но в осетинском случае существует историческая подоплека для господства концепции «заговора историков», т.к. последние годы существования СССР, после народных антиингушских волнений 1981 г., в республике проводилась политика подавления осетинского национализма, выразившаяся в культивировании подозрительного отношения к историческим обоснованиям величия осетинского народа, его аланского происхождения и т.д. Включение в 1994 г. в официальное название республики слова «Алания» для многих означало компенсацию за историческую травму — компенсацию, особенно ценную в атмосфере официального признания государственных преступлений, совершенных по отношению к другим северокавказским народам.

Общая же схема, в рамках которой действует мотив «заговора историков», широко распространена: элиты держат народ в невежестве, чтобы его эксплуатировать; они не дают ему осознать все величие его собственной истории и через это прийти к пониманию его подлинных интересов, потенциала и исторической миссии; историки же обслуживают интересы элит, скрывая информацию, искажая ее (так склонны понимать ситуацию последовательные марксисты) и даже уничтожая источники (эта версия стала классикой радикальной конспирологии). Совсем недавно в ходе застольной беседы за ритуальной трапезой *кувдом* мне рассказали о том, что немцы переврали всю историю России, укоротив ее со ста тысяч лет до нескольких столетий. В качестве доказательств приводились указания на обнаружение археологами на Урале древних вольфрамовых пружин, покрытых славянскими письменами, в которых среди прочего содержится слово «Ротор». Рассказчик этой истории настоятельно рекомендовал мне как историку просмотреть телепрограмму канала Рен ТВ. Мне без

особого труда удалось обнаружить нужный источник. Им оказался выпуск «Территории заблуждений» — программы, посвященной сенсационным открытиям в области альтернативной истории (31 октября 2014 г.). В этом выпуске среди прочего сообщалось о сгоревшем (сожженном?) архиве Ломоносова, борца с немецкими академиками за честь русской истории. Из контекста зрителю становилось понятно, что пробелы в наших знаниях о великой древней истории отечества нужно объяснять событиями середины XVIII в.

Недоверие к общеизвестным историческим нарративам в межконфессиональной полемике приводит ее к точке, где происходит своеобразное слияние идей «заговора жрецов» и «заговора историков», и религиозные активисты выступают в роли интеллектуалов, открывающих новые источники по истории своего народа или заново их интерпретирующих и зачастую отвергающих уже известные. При этом спорящие стороны охотно и привычно обвиняют друг друга в работе на неназванных хозяев, т.е. прибегают к прямой конспирологической аргументации.

Один из теоретиков проекта по возрождению (или, лучше сказать, популяризации) осетинской этнической религии Хетаг Моргоев, используя образ информационной войны (полагаю, что это можно рассматривать как умеренный вариант конспирологической теории), так описывает христианскую версию религиозного прошлого осетин:

[М]ы, осетины, на протяжении уже не одного столетия находимся в состоянии информационной войны со всякого рода представителями различных религиозных систем, пытающихся подчинить нас, сделать послушным орудием (или оружием) для достижения своих целей. Условным «началом» этой войны мы можем считать христианские легенды о якобы проповеди в Скифии некоего иудео-христианского проповедника Андрея, в христианской традиции Андрей Первозванный ученик Иисуса Христа, он якобы дошел аж до Киева (которого тогда еще не существовало) [Моргоев 2011].

Далее речь заходит о том, что действия по установлению исторической правды встречают «сильнейшее противодействие со стороны сил, заинтересованных в уничтожении нас как этноса». И указываются основные интересанты и участники, так же как и тактические цели этой кампании:

В наше время информационная война против осетин со стороны христианской конфессии принимает разные формы и выражения. Имея своих адептов, резидентов и, как надо полагать, оплачиваемых агентов в системе руководства и в самих СМИ, церковь

умело навязывает, создает иллюзию «блага» для осетин перехода к христианским ценностям и мировоззрению, однако нигде не упоминается, что это самое мировоззрение противоречит основам осетинского сэгъдау и навязывается с целью его уничтожения [Моргоев 2011].

Одним из лейтмотивов этого рассуждения является напоминание об иноэтничном происхождении христианства («одной из иудейской сект») и создании христианами «подложного мифа о древности своего культа среди нашего народа».

Устав слушать рассуждения об иноземном происхождении христианства, которое в силу этого не может дать ничего хорошего осетинскому народу, один из православных полемистов выдвинул следующую теорию, объясняющую действия осетинских «родноверов» и их русских единомышленников.

В среде русского народа набирает силу неоязычество, основанное на так называемых «Славяно-арийских ведах» и Велесовой книге. Эти славяно-арийские веды появились не так давно. Они представляют собой компиляцию из настоящих вед, скандинавских саг, тамплиерских легенд и Книги Мормона. Основатели этого неоязычества утверждают, что тексты были посланы с неба и написаны на небесном металле, который, разумеется, никто никогда не видел, кроме «избранных». Второй источник — Велесова книга — также пользуется популярностью. Хотя тем, кто знаком с основами лингвистики, очевидно, что это всего лишь грубая подделка начала XX в.

Бывшие члены этих обществ рассказывали, что общей идеологии у неоязычников пока нет, поэтому на съездах единственной темой становится их отвращение к Христианству, их бешеная ненависть к исторической религии нашей страны. Но эта разобщенность отнюдь не мешает им копить силы, требовать предоставления себе равных прав и признания за своей религией, которую они называют «старая исконная вера», особого положения. Нечто подобное наблюдается и в странах Европы, где «возрождается» кельтское язычество. Как Вы думаете, могут ли быть все эти одновременные процессы случайностью, простым совпадением? Нет? Тогда идем дальше [Мамиев 2013: 137].

В приведенном пассаже активно утверждается, что родноверие является относительно новым проектом, реализуемым посредством мистификаций и злоупотребления доверием общественности. Подобные доводы, как мне представляется, нужно трактовать как зеркальное отражение доводов оппонентов. Далее приводится другой зеркальный аргумент: этнический религиозный традиционализм нехристианского толка выгоден иностранным силам и фактически ими создается.

Незадолго до своей смерти Дж. Кеннеди объявил о существовании монолитной структуры, имеющей целью порабощение народов и господства над миром. Со времен Кеннеди эта структура никуда не делась. Она прочно опутала своей сетью правящую элиту западного мира. Их цель — Россия. Российская Империя, Советский Союз, Российская Федерация — не важно, как называется Россия на любом историческом этапе. Важно то, что само существование единой и сильной России прямо противоречит планам архитекторов Нового Порядка. Россия, с ее территориями и ресурсами, должна быть разделена и поставлена под контроль. Об этих целях прямо и много раз говорили представители западного истеблишмента.

Но Россию невозможно победить военным путем. Ее не смогли сломить ни кайзеры, ни султаны, ни фюреры. Тогда на Западе был изобретен простой и эффективный метод — разрушить страну изнутри. В 1905 году отрепетировали, в феврале 1917-го осуществили. Потом повторили трюк на рубеже 80–90 гг. прошлого века. <...>

Но как разорвать страну изнутри? Все просто: надо сыграть на национальных и религиозных чувствах. Сначала подрываются устои титульной нации. Помните все эти нападки на Православие, фальшивые разоблачения духовенства во всех мыслимых и немыслимых грехах? Думаете, случайность? Случайно ли Интернет заполнен ненавистью к действующей власти? Все это делается для выбивания почвы из-под ног, размывания устоев и заменой их «западными ценностями». Не зря ведь Рокфеллеры спонсировали так называемое возрождение «славяно-арийского» язычества и одного из его идеологов — г-на Левашова. Уничтожь православное сознание, раздели, дезорганизуй, добавь никотина, пива и секса.

Дело сделано — титульная нация размыта и разобщена. Идем дальше. Некоторые государства очень заинтересованы в отторжении от нашей страны ее юга — Кавказа и Поволжья. Но любой, кто понимает основы геополитики, знает, что невозможно отторгнуть Кавказ, пока у России есть форпост на юге. Таким форпостом является Осетия, ergo, и эту цитадель надо разломить изнутри.

Здесь воспользовались тем же «традиционалистско-возрожденческим» методом. Изучаешь народ, умело подаешь идею, а дальше все делается само. Находятся те, кто воспринимают идею и из самых добрых побуждений начинают ее дорабатывать и углублять. Возникает новая идеология. Еще лучше, чтобы и она не сформировалась как монолит, а рассыпалась на несколько частей — разделение людей будет еще более сильным. Согласитесь, это очень тонкий и сильный ход. Можно аплодировать его зарубежным разработчикам [Мамиев 2013: 137–138].

И хотя Герман Мамиев, предложивший читателям популярного в Северной Осетии литературного журнала свою версию мирового заговора, получил от оппонентов «симметричный ответ»¹, его способность к созданию «патриотичного» православного нарратива об Осетии и осетинах симптоматична. Его высказывание, как показывают мои наблюдения, было услышано в среде православных активистов и включено в их гранд-нарратив о православии как природной религии осетинского народа, пока в качестве резонного предположения. Вот как выразил эту мысль мой владикавказский знакомый: «На месте [западных] спецслужб, если я хотел бы отколоть от России Кавказ, я бы финансировал осетинских язычников».

Впрочем, если рассматривать этнический религиозный проект как форму новой религиозности (я здесь не утверждаю, что мы имеем дело с выдумкой, но усматриваю в этих явлениях поиск новых смыслов в традиционных практиках), то подобные инициативы естественным образом должны осмысляться частью наших современников в парадигме новых опасных культов.

* * *

Мысль о том, что новые религиозные течения и практики (New Age, новое язычество и т.д.) являются органичной и необходимой частью глобального заговора против христианства и всего человечества, сформировалась в щедрой на подобные идеи

¹ Его создал упомянутый Хетаг Моргоев. В том же журавле «Дарьял» в рубрике «Резонанс» был опубликован материал, содержащий среди прочего такое рассуждение:

Автор приписывает мне, а заодно тем осетинам, которые остаются самими собой и не хотят, по какому-то недоразумению, пополнить те 75 % (не индуистов), следование и выполнение заговора против России с целью ее развала. Оказывается, мы есть продукт, о котором автор говорит: «Можно аплодировать его зарубежным разработчикам». Дескать, мы не даем своими неразумными (читай преступными) действиями объединиться осетинам под знаменем православия, и это может привести Россию к развалу, так как мы ее форпост на юге. Я допускаю, что высказанные мной в моей работе оценки могут не понравиться, не укладываться в картину мира г-на Г. Мамиева, но лгать-то зачем, не рейтинга же ради.

Хотелось бы напомнить автору, что в отличие от христиан, в частности православных, у последователей традиционной веры нет другой более ценной и сакральной земли, чем Осетия, Кавказ и Россия. В отличие от православных мы не ищем духовных скреп в далеких жарких странах с их православными святынями, не отправляемся туда в паломничество, пополняя кошельки владельцев этих святынь. Мы не получаем оттуда духовной подпитки, а при случае наставлений и ценных указаний. Для нас Осетия — это центр земли, центр наших устремлений, центр нашей духовной жизни. Так же как и для русских Россия, а не Палестина. Именно христиане, говоря о «святой земле», вовсе не имеют в виду свою родину.

Тем не менее я не отрицаю наличие «монолитной структуры», в основе принципа ее стремлений и действий лежит именно библейская концепция бога. Автору следует искать парадигмы заговора против России у тех, кто следует идеологии, довольно четко изложенной в «книге книг». Читайте Библию. Позволю себе дополнить конспирологическую картину автора примерами из истории взаимоотношений государства, народа в России и организации, ныне именуемой РПЦ. Во все времена от бедствий, постигавших народ, выигрывала церковь, находившая общий язык и интересы, будь то с завоевателями или просто мошенниками приватизаторами [Моргоев 2014: 235–236].

среде американских евангелических христиан-консерваторов в 1980-е гг. [Hexham 1992: 154–155; Pike 2001: 243, note 30]. Одной из самых влиятельных книг в этом поле стало сочинение Констанс Камби «Скрытые угрозы радуги». В этой книге язычество в целом и новое язычество в особенности рассматриваются как источник вдохновения и практик для движения New Age [Cumbeу 1983: 91, 101, 111, 146]. Упоминание язычества в контексте разоблачения заговора ньюэйджеров быстро становится общим местом. Другой борец с New Age называет параграф своей книги «Языческая атака на христианство», где пишет: «Среди многих наставников New Age, которые открыто изливают свой яд на христиан, есть те, кто практикует колдовство, поклоняется природе, земле и космосу как пантеистским богам, и те, кто продвигает религию [Великой] Богини-Матери» [Marrs 1988: 199]. Характерно, что основной акцент в этих построениях делался (и делается) на собственно религиозной функции действий заговорщиков: они, являясь слугами Сатаны и помощниками грядущего Антихриста, должны соблазнять христиан и препятствовать обращению в христианство других людей.

Со временем конспирологический нарратив о ньюэйджерах-неоязычниках прочно освоил повествовательные и аргументационные штампы традиционной для американских протестантов-фундаменталистов теории заговора. Так, Стив Урик в своем справочнике по «культам и лже-религиям» заключает статью о языческом, по его мнению, движении New Age следующими словами: «Движение New Age пытается подорвать нашу национальную безопасность и угрожает нашей свободе, проталкивая социалистический Новый Мировой порядок в наши школы и ставя наше правительство под губительный контроль международного тоталитарного мирового правительства (что является целью ООН)» [Urick 2011: 272].

В постсоветской России история про заговор New Age была услышана в среде конспирологов [Сенченко 2007: 11–123], но, как кажется, идеи о причастности новых язычников к осуществлению замыслов тайно действующих структур сложились относительно независимо от американской традиции разоблачения природы новых религиозных движений. В российской антиязыческой полемике подобные планы редко понимаются как направленные против христианства вообще. Напротив, в них видят игру, целью которой является исключительно разрушение России. В этом построении религиозная составляющая новоязыческого (или, лучше сказать, родноверческого) проекта отвергается как внешняя маскировка, прикрывающая геополитические интересы сил, стремящихся к подчинению страны. При этом атака на православие обычно понимается

как имеющая тактическое значение (уничтожим православие — падет и Россия). Православное же вероисповедание осмысливается скорее как условие сохранения государства и нации, нежели в качестве верного средства для спасения души. В полемическом репертуаре борцов с новым язычеством в России политические риторика и лексика занимают место традиционных для протестантской религиозной теории заговора эсхатологических пассажей из Писания, за которыми следуют подтверждения истинности библейских пророчеств фактами из актуальной действительности.

Я не хочу сказать, что конспирологическая православная мысль чуждается работы с традиционными образами христианской эсхатологии. Но именно в полемике с родноверами они отступают на задний план, предоставляя место «общегражданским» нарративам о происках западных спецслужб и т.п. И наоборот, для американских христиан-фундаменталистов реализация заговорщиками-ньюэйджерами своей политической программы должна обеспечить им достижение главной цели — духовной победы над верными.

Следующий пример достаточно раннего рассуждения о сути родноверческого антихристианского протеста хорошо передает общую атмосферу полемики, в которой термины «provokator» и «предатель» оказываются более уместными, чем, скажем, любимые протестантами-антикультуристами образы Вавилона или числа зверя: «То, что неоязычникам антихристианские идеи подсунили враги России, сомнений не вызывает. И профессиональные provokatory, пичкающие неграмотный народ антихристианской “литературой”, прекрасно знают, от кого они получают иудину зарплату. С такими деятелями разговор должен быть коротким — как с предателем» [Защитим веру 1996]. Это цитата из статьи, опубликованной в газете «Черная сотня». А в публикации, вышедшей тремя годами позже в той же газете, автор задается вопросом: кем же являются российские неоязычники — ставленниками спецслужб или невеждами? Судя по следующему пассажиру, читатель должен склониться к первому варианту ответа: «Имея в народе определенный кредит доверия за счет своих патриотических взглядов, они используют его в самых коварных целях, направляя свою деятельность против Православия, называя распятого иудеями Христа (прости, Господи!) агентом еврейского влияния! Чего не придумаешь, когда платят» [Штильмарк 1999]. Несколько примеров антиязыческой конспирологической политологии приводит в своей книге Александр Верховский: «[Н]еоязычники прямо или косвенно поддерживаются иностранными спецслужбами»; «[П]ротивники нашей страны предлагают две важнейшие меры: расчленение Русской Православной Церкви и поддержку неоязычества —

опять же с целью подрыва авторитета Церкви и внесения раскола в русское национальное самосознание и движение за возрождение России». Верховский пишет в этой связи, что православные полемисты рассматривают неоязычников «не просто как врага, но как агентуру каких-то более могущественных врагов» [Верховский 2003: 186–187].

В подобных нарративах меняются только детали, повышая колоритность повествования, но не нарушая его общей логики. Вот как остро формулирует ту же мысль автор нескольких книг по истории русов, почитаемый, кстати, многими родноверами, Юрий Петухов: «[В]ыпущенные из тех же сатанинских недр ЦРУ россиянкине “неоязычники” <...> открыто выполняют задание натовских и ватиканских спецслужб сокрушить последнюю опору русского самосознания Русскую Православную Церковь» [Петухов 2004: 119].

Так что Герман Мамиев в своей статье только воспроизвел сложившийся конспирологический нарратив, привязав его по мере возможности к актуальным реалиям Северной Осетии.

Замечу, что нарратив о тайных зловещих планах против России, Кавказа и Осетии можно найти и у представителей североосетинской мусульманской общины. Так, муфтий Хаджи-Мурат Гацалов, председатель Духовного управления мусульман республики, описал причины настороженного отношения к исламу в современном мире следующим образом:

А вы посмотрите, на каких направлениях ислам стал мишенью. Это стратегические направления, окружающие Россию. <...> Они [США] создают плацдарм для борьбы с Россией. Это большая стратегия, политика. Но проблеме дали название «ислам». И, подбрасывая эту понятную категорию, отвлекают внимание от своих истинных мотивов. Ислам — очень удобная вещь для этих целей. Ведь в России 20 миллионов мусульман, в России — Кавказ. «Хватит кормить Кавказ» — лозунг, придуманный на Западе и используемый российскими либералами, которым не нужна сильная Россия [Гацалов 2015: 19]¹.

---

¹ Идея, что антикавказские настроения не рождаются и поддерживаются в политически консервативных и ксенофобски настроенных слоях населения, а инспирированы либеральной оппозицией, высказывалась и главой республики. В своем интервью «Коммерсанту» Таймураз Мамсуров высказался об этом довольно определенно, предпочтя выказать симпатию «патриотам»:

— Когда в Москве был пик кампании «Хватит кормить Кавказ», Вы остро на это реагировали в интервью. Почему?

— Эта риторика была агрессивной, она нас очень нервировала. А потом мы присмотрелись к этим лицам, поняли, с кем мы имеем дело. Мы здесь, на Кавказе, все руководители кавказских республик, пришли к выводу: очень хорошо, что вот эти персоны нас ругают. Если бы они нам дифирамбы начали петь, мы бы до конца жизни не отмылись. Потому что это люди, которые ненавидят собственную страну. Для них большего врага, чем Россия, нет. Их наизнанку выворачивает тот факт, что Россия укрепляется. <...> кормильцам Кавказа сегодня пора бы уже

В том же духе муфтий прокомментировал проблему так называемой двойной лояльности, т.е. возможности бесконфликтного совмещения исламской и этнической (в нашем случае осетинской) идентичности:

Именно в Осетии этот вопрос усиленно будируется. <...> Эти сомнения, опасения, нынешнее неприязненное отношение к исламу говорит исключительно о поползновениях извне, о попытках расшатать стабильность. О попытках внушить недоверие к мусульманам и их религии [Гацалов 2015: 22].

Так что христиане и традиционалисты не столько в определенной степени воспроизводят конспирологические аргументы друг друга, меняя их вектор, сколько следуют более общему идеологическому и риторическому тренду.

* * *

В ситуации широкого распространения конспирологической логики в интерпретации социальной реальности не только воспроизводятся имеющиеся нарративы о заговоре разрушительных темных сил. По моему мнению, понимание реальности как тайной борьбы между своими и чужими, усвоенное с советских времен и реплицированное много раз массовой культурой (теми же «Дозорами», например), дает стимул созданию новых повествований. Их характерной чертой является построение генеалогии тайной работы сил добра, скрывающихся в течение веков от злых заговорщиков, чтобы донести до новых поколений важнейшую информацию, необходимую для выживания нации и всего человечества. Даурбек Макеев видит эту «светлую» династию так: древние арии (асы) — новозаветные волхвы (иранцы-зараострийцы; здесь в рядах светлого воинства находится место и истинным, не павлианским христианам) — масоны¹ [так!] — современные осетины, сопротивляю-

---

замолчать, но они теперь на Крым перебросились. Теперь они нам объясняют, что Крым нам не нужен, это будет еще одна дотационная территория. <...> Вот так и про Кавказ, и про Крым одни и те же говорят. Я еще понял бы, если бы они в поте лица вкалывали и имели право спросить, куда их налоги идут. А то сидят за компьютерами и управляют страной. То они какие-то взволнованные горожане, то еще кто-то. Тех кормильцев, которые орут на Болотной, я никогда не видел ни в поте лица, ни в шахтерской копоти, ни мозолистых рук их не видел, и я никак не пойму, кого же они кормят. Я не уверен, что они свои семьи способны прокормить.

— Погодите, на Болотной не кричали «Хватит кормить Кавказ». Это делали радикальные националистические группировки на Чистых прудах, в Люблино. Они сейчас, напротив, подерживают присоединение Крыма.

— Да мне все равно, какие они патриоты, под каким окрасом. Я вижу, что полезно стране, а что ей во вред. Любую шелуху ветром сдувает, а зерно остается. Если эти люди поняли, что Крым — это российская земля, значит, не дураки [Мамсуров 2014: 4].

¹ «Масоны, признавая бездуховность Павлианского христианства, называли себя “духовными христианами”. Этот факт говорит именно о религиозном характере идеологии масонов. Кто такие масоны? Откуда они черпали свои идеи? <...> Из имеющейся литературы о них можно узнать то,

щиеся глобализации. Кто-то из сторонников этой концепции включает в цепочку знаменитых эзотериков прошлого современных учителей восточной мудрости и, среди прочих, Сталина. Кто-то (например, реставратор и художник Славий Джанаев) говорит о первом в мире тайном обществе-ордене, в который в X–VII вв. до н.э. преобразовалась «элитная, духовно-идеологическая, управленческая, индоевропейская организация» эпических нартов, чтобы в течение столетий хранить от внешнего идеологического (в первую очередь, христианского) воздействия народ иронов-алан, заселявший Горный Кавказ [Джанайты 2007: 104, 145].

С этой точки зрения сегодняшний момент тайной борьбы между двумя партиями только внешне имеет обличие какого-то конкретного политического события, дискуссии интеллектуалов или межконфессионального диспута. На самом деле это противостояние является настоящим сражением космического масштаба. В редакции Макеева это борьба между духами добра — асами и духами зла — дэвами, которых поддерживают дэвопоклонники — христиане и другие люди, чуждые истинной арийской духовности. Эта битва чрезвычайно драматична, даже эсхатологична. Весьма характерно в этом смысле высказывание одного из наиболее ярких и эксцентричных традиционалистов Осетии Людмилы Магкеевой об истинном смысле бесланских событий сентября 2004 г.: «Беслан — трагедия планетарного масштаба, как в свое время убийство Христа <...> В Осетии, в Беслане, среди этих детей, возможно, родился будущий Спаситель. И силы тьмы на небе заключили союз со своими представителями на земле и их руками убивали представителей будущей Расы на Земле» [Магкеева 2007].

Несколько в другом ключе, но не менее драматично это противостояние представлено в предисловии к историческому сочинению о древнем прошлом алан: «Профессиональные исследователи истории — это своего рода посланцы Хроноса, его мистические слуги. Они часто бывают черными, застилающими глаза Хроноса тучами лжи и ненависти, и тогда божество времени в ярости распаивает свою мерцающую звездами вечности бездонную пасть и глотает национальное время — народ тает умом и числом, стремительно идет к гибели. Но слуги

что масонское (не путать с жидомасонством) движение зародилось в кругах англосаксонской аристократии, в разгар расцвета “христианской тьмы средневековья”. Эта идеология возникла в рамках преемственности мистерий предков. При этом интересно напомнить, что англосаксонские аристократические и королевские династии возводили свое происхождение к асам. На сегодняшний день достоверно известно сарматское происхождение короля Артура и рыцарей круглого стола [Макеев 2007: 179–180].

Хроноса могут быть и светлыми, раскрывающими перед Хроносом блистающий Ruxs (горный свет [осет. *свет*. — С.Ш.]), бережно поворачивающими голову титана к сияющей лазерным цветом светлой стороне горизонта. И тогда Хронос сжимает свой страшный зев и, умиротворенный, надолго погружается в свои вечные мысли — народ сохраняет свое историческое время, время исполнения своей национальной судьбы» [Торчинов 2009: 8–9]¹.

Но как бы ни складывалось подобное сражение, конспирологи-оптимисты утверждают, что оно закончится победой «сынов света». Ведь «власть дэвопоклонников держится на невежестве», а «сейчас, с появлением Интернета <...> у дэвовских направлений очень мало шансов “задавить” истинное (асовское) учение» [Макеев 2007: 182].

Таким образом, в условиях, когда всем по умолчанию известно про механизмы осуществления мирового господства, более заметными и востребованными становятся конспирологические нарративы, описывающие (или, вернее, создающие) генеалогию тайных сил, стоящих на стороне добра и способных справиться с агентами губительного для страны и общества заговора. Этот вектор конспирологического творчества усложняет сложившиеся аксиологические и повествовательные схемы, а традиционалистское недоверие ко всему чужому сменяется надеждами на приобретение новых союзников и средств в борьбе с глобализмом.

В этом отношении хорошим примером служит следующее общее рассуждение, предваряющее конкретную инициативу относительно того, как можно обеспечить единство осетинского народа, раздираемого конфессиональными противоречиями [Ардигон 2014]. Линия аргументации здесь начинается с констатации очевидных и в этом качестве не требующих подтверждения угроз: «Черные тучи Нового мирового порядка продолжают сгущаться над головой у человечества. Ураган либеральной глобализации заходит то с одной стороны, то с другой». Очевидно, что либеральная глобализация является безусловным злом. Но противостоят ему не только способность народа защитить свою этническую специфичность, но и другие «глобальные» тенденции: «Если нашему сплочению мешает принадлежность к разным религиям, то для нас наилучшим выходом может стать возврат к нашим корням, к нашей традиционной вере. Нас к этому должно подтолкнуть еще и то обстоятельство, что в современном мире все более обозначается тенденция к интеграции и универ-

¹ Еще более яркий титул светлым слугам Хроноса — «белые жрецы исторического времени» — дается на следующей странице этого предисловия.

сализации мировых вероучений. Идет поиск таких фундаментальных основ религиозного сознания, на которых возможно было бы выстроить единое вероучение. Но для этого неизбежно придется вернуться к той универсальной первооснове всех вероучений». Довольно любопытно, что далее автор в качестве авторитета ссылается на Конфуция («Почему бы нам не взять как руководство к действию утверждение Конфуция о том, что миром правят Знаки и Символы, а не слово и закон»), который, конечно, может воплощать идею того, что у западной «мудрости» (цивилизации) есть альтернатива в виде восточной философии, но все же находится далековато от поля индоиранской культурной традиции.

Еще более интересно, что предлагаемый автором этой статьи проект создания символа национального единства (а он призывает к созданию посреди Осетии рукотворного кургана и установке на нем осетинского ритуального столика фынга «увеличенных размеров из мрамора или гранита») предполагает, что этот фынг приобретет «международное значение» и станет «туристической достопримечательностью». Новый памятник станет знаком присутствия осетин в глобальном мире, которому в большей степени, чем самому себе, народ продемонстрирует готовность противостоять «Новому мировому порядку».

Заключая свое рассуждение, я хотел бы подчеркнуть, что в постсоветском контексте существуют и другие типы информационных сред, в которых сформированы свои интерпретационные навыки, определяющие контуры конспирологических нарративов. Так, ментальные привычки к поиску знаков духовного мира в мире материальном, характерные для значительной части консервативных христиан, как православных [Ахметова 2010: 176–214], так и, например, пятидесятников [Панченко 2015], заставляют их с тревогой вглядываться в окружающую реальность. В ней опытный взгляд без труда находит строительный материал для конспирологической эсхатологии, в которой нет места надежде на тайные ордены мудрецов, но есть — тревожной внутренней готовности к последнему испытанию, уготованному христианам в последние времена. И в этом они мало отличаются от других апокалиптически настроенных движений и групп, таких как американские протестанты-фундаменталисты.

Источники

Ардигон Т. Нас может объединить только новое знание о себе и о мире, в котором мы живем // Сайт «Осетия и Осетины». 2014, 19 марта. <<http://osetins.com/1504-nas-mozhet-obedinit-tolko-novoe-znanie-o-sebe-i-o-mire-v-kotorom-my-zhivyom.html>>.

- Безверхий В.Н.* История религии. М.: Витязь, 1998. 138 с.
- Гаглов С., свящ.* Понятия «этнос», «нация», «культура» в основах социальной концепции РПЦ // Православная церковь в социально-культурных процессах России: история и современность: Мат-лы I Всерос. науч.-практ. конф. (23–24 мая 2012 года). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013. С. 82–92.
- Гацалов Х.-М.* «Вера — это когда ты понимаешь, что все предопределено и прописано в твоей судьбе» [Интервью Аделины Кайтуковой] // Famous. 2015. № 63. С. 12–22.
- Джанайты С.Х.* Три слезы Бога. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева, 2007. 158 с.
- Защитим веру от богохульников // Черная сотня. 1996. № 32. <http://www.sotnia.ru/ch_sotnia/t1996/t3202.htm>.
- Иванов А.М.* Христианство. М.: Витязь, 1994. 84 с.
- Истархов В.А.* Удар русских богов. 2 изд., испр. и доп. М.: Институт экономики и связи с общественностью, 2000. 368 с.
- Кадыров отправил черную метку «шайтану» аль-Багдади // Сайт ВГТРК «Россия». 2014, 21 окт. <<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2063011>>.
- Магкеева Л.* Бумеранг (Окончание) // Сайт «Осетия и осетины». 2007, 1 окт. <<http://osetins.com/2007/10/01/bumerang-okonchanie.html>>.
- Макеев Д.Б.* Основы вероисповедания осетин. Тайны древних Асов. Владикавказ: РИА «АНКО», 2002. 88 с.
- Макеев Д.Б.* Религиозное мировоззрение в нартском эпосе. Владикавказ: Б.и., 2007. 200 с.
- Макеев Д.Б.* Шаг к свету. Реакция на статью Германа Мамиева // Ацæтæ: Официальный сайт религиозной организации осетинской традиционной веры. 2013, 20 дек. <<http://assdin.ru/sim/133-shag-k-svetu-reakciya-na-statyu-germana-mamieva.html>>.
- Мамиев Г.* Шаг в пропасть — 2 // Дарьял. 2013. № 5. С. 130–139. <http://www.darial-online.ru/2013_5/mamiev.shtml>.
- [Мамсуров] «Мы себя не чувствуем нахлебниками»: глава Северной Осетии Таймураз Мамсуров о том, что возглавляемая им республика сделать может и что не может // Коммерсантъ. 2014, 28 июля. № 130/П. С. 1, 4.
- Моргоев Х.* Информационная война // Ацæтæ: Официальный сайт религиозной организации осетинской традиционной веры. 2011, 7 фев. <<http://assdin.ru/articles/81-informacionnaya-voyna.html>>.
- Моргоев Х.* Два шага вперед, один назад // Дарьял. 2014. № 2. С. 208–239. <http://www.darial-online.ru/2014_2/morgoev.shtml>.
- Петухов Ю.Д.* Тирания. Под игом демократов. Гибель России: Хроника колонизации России, превращение ее в Россиянию — олигархическо-рабовладельческий протекторат и начало оккупации Соединенными Штатами Восточного полушария. М.: Метгалактика, 2004. 478 с.

- «Сад» растет сам? Об этике, управленческом профессионализме, о полной функции управления на Руси и в США, о общем кризисе капитализма и марксизме, о теории, практике, проблемах и перспективах «конвергенции» и о некоторых других частностях в течении глобального историко-политического процесса. СПб.: МЕРА, 2009. 366 с.
- Сенченко Н.И.* Невидимый заговор против человечества. Киев: МАУП, 2007. 800 с.
- Торчинов Т.* Предисловие издателя // Лысенко Н.Н. Аланы против великих империй: Северные арийцы в системе геополитического противостояния Парфия — Рим. СПб.: Фонд Азии и Кавказа «Ариана», 2009. 416 с.
- Хамицев В.Л., Балаев А.Ч.* Давид Сослан, Фридрих Барбаросса... Алания от Палестины до Британии. Владикавказ: Журн. «Дарьял», 1992. 16 с.
- Школа. Вопросы управления // Ацатæ: Официальный сайт религиозной организации осетинской традиционной веры. 2011, 17 окт. <<http://assdin.ru/108-shkola-voprosy-upravleniya.html>>.
- Штильмарк А.Р.* Удар Полкана: Неоязычники пытаются навязать Русским людям вместо Веры во Христа веру в бабу Ягу, Кукера, лешего, Сварога и других идолов // Черная Сотня. 1999. № 73—74. <http://www.sotnia.ru/ch_sotnia/t1999/t7303.htm>.
- Cumbeу С.Е.* The Hidden Dangers of the Rainbow: The New Age Movement and Our Coming Age of Barbarism. Shreveport, LA: Huntington House, 1983. 268 p.
- Marrs T.* Mystery Mark of the New Age: Satan's Design for World Domination. Westchester, IL: Crossway Books, 1988. 287 p.
- Urick S.* Major Cults and False World Religion. Bloomington, IN: Author House, 2011. 368 p.

Библиография

- Ахметова М.В.* Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010. 336 с.
- Багдасарян В.Э.* «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX—XX вв.: критика мифологизации истории: Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2000. 44 с.
- Верховский А.М.* Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995—2001 гг. М.: Центр «Сова», 2003. 316 с.
- Панченко А.А.* «Дьявол не в санатории»: образы зла у постсоветских пятидесятников // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / Ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. С. 186—213.
- Шнирельман В.А.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Изд-во ББИ, 2012. 302 с.

- Basham L.* Living with the Conspiracy // *The Philosophical Forum*. 2001. Vol. 32. No. 3. P. 265–280.
- Burke P.* The Black Legend of the Jesuits: An Essay in the History of Social Stereotypes // Ditchfield S. (ed.). *Christianity and Community in the West: Essays for John Bossy*. Aldershot: Ashgate Publishing, 2001. P. 165–182.
- Cubitt G.* The Jesuit Myth: Conspiracy Theory and Politics in Nineteenth-Century France. Oxford: The Clarendon Press, 1993. 360 p.
- Hellinger D.* Paranoia, Conspiracy, and Hegemony in American Politics // West H., Sanders T. (eds.). *Transparency and Conspiracy*. Durham: Duke University Press, 2003. P. 204–232.
- Hexham I.* The Evangelical Response to the New Age // Lewis J.R., Melton J.G. (eds.). *Perspectives on the New Age*. Albany, NY: State University of New York Press, 1992. P. 152–163.
- Marotti A.F.* Religious Ideology and Cultural Fantasy: Catholic and Anti-Catholic Discourses in Early Modern England. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2005. 320 p.
- Nelson E.* The Jesuit legend. Superstition and Myth-Making // Parish H., Napby W.G. (eds.). *Religion and Superstition in Reformation Europe*. Manchester: Manchester University Press, 2002. P. 94–115.
- Pike S.* Earthly Bodies, Magical Selves: Contemporary Pagans and the Search for Community. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2001. 314 p.
- Shnirelman V.* ‘Christians! Go home’: A Revival of Neo-Paganism between the Baltic Sea and Transcaucasia (An Overview) // *Journal of Contemporary Religion*. 2002. Vol. 17. No. 2. P. 197–211.
- Shtyrkov S.* Religious Nationalism in Contemporary Russia: The Case of the Ossetian Ethnic Religious Project // Alapuro R., Mustajoki A., Pesonen P. (eds.). *Understanding Russianness*. L.; N.Y.: Routledge, 2012. (Routledge Advances in Sociology). P. 232–244.
- Shtyrkov S.* Orthodox Traditionalism in the Republic of North Ossetia-Alania: The Ethnicization of Religion as the “Internal Mission” of the Russian Orthodox Church // *State, Religion and Church*. 2015. No. 2 (1). P. 75–105.

“The Fight between *Ases* and *Devas* Runs through All Our Existence”: North-Ossetia Intellectuals’ Conspirological Imagination in Their Search for Meaning in National History

Sergei Shtyrkov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences
University emb. 3, St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
Gagarinskaya st. 3, St Petersburg, Russia
shtyr@eu.spb.ru

In the contemporary Republic of North Ossetia-Alania, just as in other segments of Russian society, inter-confessional arguments often take the form of conpsirollogical accusations against opponents. Every party — Orthodox activists, the Muslim community, and Ossetian ethnic religious revival projects — has its own conspiracy theories. The main “ideal types” proposed in this context can be understood as a conspiracy of dishonest, politically motivated academicians (“the historians’ plot”), a conspiracy of a sacerdotal corporation (“the priests’ plot”) and “the plot of (Western) intelligence services”. The popularity of these narratives can be explained by the fact that in the communication sphere of North Ossetia, every phenomenon of social life is often explained by answering the question “who needs this?” while overlooking any objective explanations based on general economic or political regularities, or a combination of them. In addition, in the Soviet tradition social life is interpreted as an overt series of consequences of the secret struggle between intelligence services and “our party”, who is not just a victim of the foreign enemy but also an active participant in the strife. These narratives and cognitive schemes can help to explain why such conspiracy theories appear, in which the hope for victory over secret enemies is not only presented as the triumph of revealed truth, but as a result of the effective work of “our” secret societies and organizations.

However, in contemporary Russia there are other informational communities that have their own interpretative practices that form specific conspiracy narratives. Thus the mental habits of some conservative Christians (Orthodox believers as well as certain evangelicals) enable them to find building blocks for their conpsirollogical eschatology. In their narratives, there is no hope for the wisdom of good secret societies, but there is alarming inner readiness for the last trial prepared for the faithful at the Last Things.

Keywords: conspiracy theory, North Ossetia, Orthodoxy, religious traditionalism.

References

- Akhmetova M. V., *Konets sveta v odnoy otdelno vzyatoy strane: Religioznye soobshchestva postsovetskoj Rossii i ikh eskhatologicheskij mif* [The End of the World in an Individual Country: Religious Communities of Post-Soviet Russia and Their Eschatological Myth]. Moscow: OGI; RGGU, 2010, 336 pp. (In Russian).
- Bagdasaryan V. E., “Teoriya zagovora” v otechestvennoy istoriografii vtoroy poloviny XIX — XX v.: kritika mifologizatsii istorii [“Conspiracy Theory” in Russian Historiography from the Late 19th — 20th Centuries: A Critique of the Mythologization of History]: PhD abstract. Moscow, 2000, 44 pp. (In Russian).
- Basham L., ‘Living with the Conspiracy’, *The Philosophical Forum*, 2001, vol. 32, no. 3, pp. 265–280.
- Burke P., ‘The Black Legend of the Jesuits: An Essay in the History of Social Stereotypes’, Ditchfield S. (ed.), *Christianity and Community in the West: Essays for John Bossy*. Aldershot: Ashgate Publishing, 2001, pp. 165–182.
- Cubitt G., *The Jesuit Myth: Conspiracy Theory and Politics in Nineteenth-Century France*. Oxford: The Clarendon Press, 1993, 360 pp.
- Hellinger D., ‘Paranoia, Conspiracy, and Hegemony in American Politics’, West H., Sanders T. (eds.), *Transparency and Conspiracy*. Durham: Duke University Press, 2003, pp. 204–232.
- Hexham I., ‘The Evangelical Response to the New Age’, Lewis J. R., Melton J. G. (eds.), *Perspectives on the New Age*. Albany, NY: State University of New York Press, 1992, pp. 152–163.
- Marotti A. F., *Religious Ideology and Cultural Fantasy: Catholic and Anti-Catholic Discourses in Early Modern England*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2005, 320 pp.
- Nelson E., ‘The Jesuit Legend. Superstition and Myth-making’, Parish H., Napby W.G. (eds.), *Religion and Superstition in Reformation Europe*. Manchester: Manchester University Press, 2002, pp. 94–115.
- Panchenko A. A., “‘Dyavol ne v sanatorii’: obrazy zla u postsovetskikh pyatidesyatnikov’ [The Devil Is Not in a Sanatorium: Images of the Evil of Post-Soviet Pentecostals], Kormina J. V., Panchenko A. A., Shtykov S. A. (eds.), *Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v post-sovetskom kontekste* [The Invention of Religion: The Desecularization in the Post-Soviet Context]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2015, pp. 186–213. (In Russian).
- Pike S., *Earthly Bodies, Magical Selves: Contemporary Pagans and the Search for Community*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2001, 314 pp.
- Shnirelman V., “‘Christians! Go home’: A Revival of Neo-Paganism between the Baltic Sea and Transcaucasia (An Overview)”, *Journal of Contemporary Religion*, 2002, vol. 17, no. 2, pp. 197–211.
- Shnirelman V. A., *Russkoe rodnoverie: neoyazychestvo i natsionalizm v sovremennoy Rossii* [Russian Rodnoverie: Neopaganism and Nationalism in Today’s Russia]. Moscow: St Andrew’s Biblical Theological Institute Press, 2012, 302 pp. (In Russian).

- Shtyrkov S., 'Religious Nationalism in Contemporary Russia: The Case of the Ossetian Ethnic Religious Project', Alapuro R., Mustajoki A., Pesonen P. (eds.), *Understanding Russianness* (Routledge advances in sociology). London; New York: Routledge, 2012, pp. 232–244.
- Shtyrkov S., 'Orthodox Traditionalism in the Republic of North Ossetia-Alania: The Ethnicization of Religion as the "Internal Mission" of the Russian Orthodox Church', *State, Religion and Church*, 2015, no. 2 (1), pp. 75–105.
- Verkhovskiy A. M., *Politicheskoe pravoslavie: russkie pravoslavnye natsionalisty i fundamentalisty, 1995–2001 gg.* [Political Orthodoxy: Russian Orthodox Nationalists and Fundamentalists, 1995–2001]. Moscow: "Sova" Centre, 2003, 316 pp. (In Russian).